

М. К. КАРГЕР. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДРЕВНЕГО КИЕВА. ОТЧЕТЫ И МАТЕРИАЛЫ (1938—1947 гг.)

Издательство Академии наук Украинской ССР, Киев, 1950,— стр. 252, рис. 181.

Настоящая книга является ценным вкладом в историю русской культуры, и в особенности в историю русской архитектуры. Необходимо всемерно приветствовать ее издание, так как она содержит результаты многолетних археологических работ, которые привели к открытию остатков ряда выдающихся произведений русского зодчества начальной поры его развития, разрушенных на протяжении столетий, отделяющих период их сооружения от нашего времени.

Некоторые результаты этих археологических исследований Киева имеют особенно большое историко-архитектурное значение. Книга Каргера содержит план древнейшего памятника русского каменного культового зодчества — Десятинной церкви, — как он выяснился в результате тщательнейших исследований последнего времени, проведенных под руководством автора. Опубликованный на стр. 75, этот план весьма существенно дополняет известный ранее план Д. В. Милеева (стр. 59). Д. В. Милеев, археологические исследования которого также стояли на очень большой высоте, не мог достаточно полно изучить остатки Десятинной церкви археологическим путем, так как ему мешал новый собор, воздвигнутый В. П. Стасовым в XIX в. Только после удаления этого собора, не представлявшего никакой художественной ценности, уже в советское время открылась возможность доследовать остатки Десятинной церкви, что и было выполнено автором рецензируемой книги со всей возможной археологической тщательностью. Основным выводом Каргера, к которому он пришел в результате своих исследований, является его положение, что Десятинная церковь представляла собой первоначально трехнефную шестистолпную крестовокупольную церковь, очень похожую на аналогичные здания XI и XII вв., сопоставленные, например, А. Л. Монгайтом на одной таблице¹. На этой таблице фигурируют также и Десятинная церковь по исследованиям Каргера.

Этот вывод Каргера положил конец спорам о том, какую форму имела первоначальная Десятинная церковь, которую считали иногда даже базиликой. В своих исследованиях Каргер не касается дворцовых корпусов, обнаруженных около Десятинной церкви Д. В. Милеевым, а также и другими исследователями, что составляет большую заслугу Д. В. Милеева. Зато в отношении самой Десятинной церкви было сделано, как говорит автор, все возможное в смысле исследования ее остатков.

Другим важнейшим достижением Каргера является исследование центральной части Софийского собора в Киеве. Были изучены полы здания, а также откопаны остатки западной стены собора в западном конце креста и основания двух восьмигранных столбов, существовавших на границе первого и второго подразделения западного конца креста. Правда, автор неточно передает результаты произведенных до него исследований, когда на стр. 243 он говорит, что еще в 1927 г. была сделана правильная реконструкция западного конца креста собора Софии в Киеве «на основании анализа пространственной композиции» здания, в то время как на самом деле эта реконструкция была сделана на основании наблюдений над самим зданием, сохранившиеся части которого имеют следы первоначального устройства вплоть до следов парапетов хор в западном конце креста. По-

¹ А. Л. Монгайт. Раскопки в Старой Рязани. КСИИМК, XXXVIII, 1951, стр. 22.

этому правильность такой реконструкции не вызывала сомнений у тех, кто проделал соответствующие наблюдения над самим зданием. Все же археологическое подтверждение историко-архитектурной реконструкции было желательно, и оно дано Каргером.

Следующим важнейшим результатом исследований Каргера, опубликованным в настоящей книге, является археологическое изучение местности вокруг сохранившихся древних частей собора Выдубецкого монастыря в Киеве, что дало автору возможность предложить свою новую реконструкцию плана этого здания.

Далее разбираемая книга содержит публикацию планов двух выдающихся памятников древнего Киева — церкви, которая в литературе фигурировала на основании чертежей П. А. Лашкарева, передававших результаты проведенного им археологического исследования данного памятника и грубо искажавших характер этого здания, и другой церкви, план которой, насколько это было возможно, восстановлен Каргером на основании его собственных раскопок. В обоих случаях автор дает очень убедительные датировки открытых им зданий, а также высказывает некоторые связанные с этим соображения историко-архитектурного характера.

Очень ценными являются также результаты археологических изысканий, приведшие к открытию остатков ряда жилых домов Киева древнейших периодов. Эти жилые постройки расположены на территории бывшего Михайловского Златоверхого монастыря, а также около Десятинной церкви и в других местах [на территории Киева времени княжения Владимира I]. Все эти жилые постройки весьма существенно дополняют наши представления об архитектуре Киева эпохи Киевского государства и периода феодальной раздробленности, которая известна до сих пор главным образом на основании монументальных церковных построек.

Большой интерес представляют также многочисленные другие археологические находки, публикуемые в настоящей книге, например печь для обжига кирпича вблизи Софийского собора или многочисленные погребения, из которых некоторые особенно важны.

Исследование путем археологических раскопок перечисленных памятников русской архитектуры составляет основное содержание разбираемой работы. Необходимо добавить, что книга Каргера особенно ценна потому, что в ней архитектура изучается по возможности комплексно: монументальная архитектура исследуется вместе с жилыми постройками, памятники архитектуры изучаются вместе с особенностями внутреннего декоративного убранства, поскольку оно сохранилось, а также вместе с утварью и всевозможными бытовыми предметами, которые удалось найти. Благодаря этому наиболее выдающиеся произведения монументальной архитектуры выступают не изолированно, а в органической связи с тем, что их окружало, а также с тем, что их наполняло. Таким путем архитектура гораздо теснее связывается с жизнью, благодаря чему делается нам более понятной и близкой.

Очень ценной чертой книги является ее целеустремленность еще и в другом отношении. Каргер в процессе своих археологических исследований все время имеет в виду древний город в целом, древнейший Киев, как целостный организм, который он стремится изучить в его историческом развитии. Это предохраняет автора от одностороннего изучения изолированных объектов исследования и заставляет его все время помнить о том целом, частью которого являются отдельные постройки — о великолепной столице Киевского государства.

Необходимо особенно отметить тщательность и точность археологических исследований Каргера. Руководимый отчетливыми принципами

исследования, вооруженный прекрасным знанием истории древнерусской культуры и, в особенности, истории древнерусской архитектуры, Каргер извлекает во время своей археологической работы максимум того, что возможно на данном этапе развития науки о русской архитектуре. Позволю себе привести несколько примеров особенно удачных исследований. Под фундаментами Десятинной церкви были найдены многочисленные погребения, относящиеся ко времени до постройки Десятинной церкви. Эти погребения, а также другие, найденные вне Десятинной церкви, позволили автору высказать предположение о существовании в IX—X вв. за валом, ограждавшим древнее городище, большого некрополя, оказавшегося впоследствии внутри города Владимира I. Другой пример — два жилых строения на Большой Житомирской улице, обнаруженных одно над другим, благодаря чему оказалось возможным реконструировать два исторических этапа развития данного комплекса (стр. 182).

Наконец, следует отметить также и особый тип издания, выработанный автором в разбираемой книге, что связано со своеобразным методом изложения материала, примененным Каргером. Подзаголовок книги — «Отчеты и материалы» — не совсем точен. Конечно, книга содержит очень большой материал, как явствует уже из краткого перечня, приведенного выше. Однако собственно отчетов в проделанной им археологической работе Каргер не дает — они остаются за ним. Зато в разбираемой книге применен очень живой метод изложения, одновременно строго научный и доступный широкому кругу читателей, почти популярный. Из произведенной археологической работы извлечено в книге все то, что можно наглядно представить, опущены мелочи, оставлено в стороне второстепенное, очень хорошо выделено главное. При этом богатая иллюстративная часть книги подобрана настолько хорошо, что она весьма способствует усвоению материала и позволяет значительно сократить текст. Иллюстративная часть состоит в основном из чертежей, в особенности планов зданий, до некоторой степени воскрешенных при помощи лопаты археолога, фотографических видов раскопанных частей построек, дающих наглядное и конкретное представление о них, наконец, изображения вещевых находок во время раскопок. Обилие иллюстраций последнего рода необходимо приветствовать, так как благодаря им достигается конкретная комплексность изложения. Можно, пожалуй, только пожалеть, что в книге не дан общий план древнего Киева, с нанесением на нем древних зданий. Такой план был издан в статье О. М. Тихонова и М. М. Ткаченко¹. Помещение подобного плана в книге желательно потому, что он позволил бы яснее представить себе изученные памятники архитектуры с точки зрения их градостроительного значения.

Но разбираемая книга имеет и некоторые существенные недостатки.

Во всех проведенных им исследованиях автор тщательно стремится остаться в рамках твердо установленных фактов, которые он констатирует в своем тексте, опираясь на иллюстративный материал, отражающий результаты археологических раскопок. Как только автор соприкасается с какой-либо проблемой, материально в своем памятнике не совсем прочно обоснованной, он сейчас же замолкает, не желая вдаваться в область гипотез, которые слишком удалялись бы от фактического материала и которые могли бы показаться хоть в какой-то степени смелыми и рискованными. Как будто на первый взгляд такая позиция автора, подкрепляемая самой задачей книги — дать только материалы, рассказать широкой публике только о проделанной археологической работе, выглядит правильной и убедительной. Однако это только на первый взгляд, так как именно эта уста-

¹ Архитектурні пам'ятники. Киев, 1950, стр. 10.

новка автора и определила отрицательные черты, являющиеся основным недостатком книги. Именно вследствие отмеченной установки книга Каргера представляет собой по ее содержанию объективное констатирование очень большого количества фактов, причем автор сознательно ограничивается одним этим констатированием, не пытаясь дать интерпретацию добытых им фактов на более широкой основе, развернуть правильное объяснение этих фактов. В книге Каргера недостаточно выступает взаимосвязь архитектурного анализа и археологического исследования, лопата археолога приобретает самостоятельное движение, не всегда достаточно направляемое мыслью историка архитектуры и историка культуры.

Разбираемая книга написана так, что целеустремленность автора в изложении им результатов своих исследований, да и в самих этих исследованиях, выражена недостаточно отчетливо именно вследствие сознательного отказа автора от интерпретации добытых им фактов и его боязни отступить от простого констатирования фактов, добытых археологическим путем. От такой установки страдает в первую очередь исследовательская часть книги.

Это в особенности относится к главе о Десятинной церкви. Повторяю, издание Каргером ее плана, полученного в результате очень тщательных археологических раскопок, значительно расширило наши познания о первом памятнике русской каменной культовой архитектуры. Раскопки той части Десятинной церкви, которая находилась под собором Стасова, является величайшей заслугой Каргера. Вывод о трехнефности первоначального здания и о его шестистолпной системе чрезвычайно обогатил историю русской архитектуры. Чрезвычайно большое значение имеет открытие кусков кладки древних стен Десятинной церкви, оказавшихся нетронутыми на месте, а также находка ряда фрагментов упавших стен и столбов, например куска кладки с уступчатой нишкой (может быть, это фрагмент оконного проема?), фрагментов внутреннего столба хор (?), подобного столбам хор Киевской Софии (стр. 78); (непонятно только, почему автор считает столбы на хорах Софии более сложными (стр. 79), — может быть, он имел в виду столбы на хорах Спасопреображенского собора в Чернигове?) и др.

Однако в отношении опубликованного плана в целом остается много недосказанного и непонятного. Автор безусловно должен был высказать свое мнение по этим неясным вопросам, даже если он не мог дать окончательного их решения. Он должен был это сделать уже хотя бы потому, что раскопанные им части Десятинной церкви в настоящее время засыпаны, вследствие чего нет возможности проверить выводы автора, нет возможности на самых остатках памятника проверить ту или иную гипотезу, на которые неминуемо наталкивает материал самого Каргера.

Так, например, очень сложную картину представляют фундаменты и остатки стен западной части Десятинной церкви. Автор ограничивается туманным заявлением, что «гораздо более сложный комплекс пристроек, форму и назначение которых не удастся восстановить, примыкает к западной стене древнейшей церкви». Однако такая формулировка неудовлетворительна: во-первых, потому, что очертания фундаментов западной части наводят на предположения о форме и назначении этой части здания; во-вторых, потому, что вопрос о западных частях Десятинной церкви теснейшим образом связан с вопросом о первоначальном виде ее древнейшей части. На основании плана Каргера нельзя более уверенно утверждать; какова была в древности западная часть Десятинной церкви, а между тем сам Каргер должен был поставить себе этот вопрос в процессе раскопок и должен был поделиться в книге своими соображениями на этот счет.

Особенно существенно, что фундаменты в западной части Десятинной церкви не совпадают по своему положению с фундаментами основной части, которую Каргер считает древнейшей. При этом в плане Каргера вырисовываются две трехдольные пристройки с севера и с юга, которые, если взять каждую из них в отдельности, несколько походят на дворцовые корпуса, найденные в Киеве около Десятинной церкви и в других местах. Возникает предположение, что упомянутые части Десятинной церкви были пристроены к древнейшей ее части раньше, чем галереи, представляющие собой их продолжение на восток. Это предположение как будто подтверждается тем, что обе трехчастные «пристройки», о которых только что была речь, имеют по одному делению плана, соответствующему западной части трехнефной шестистолпной первоначальной Десятинной церкви, т. е. ее хорам, с которыми они были, повидимому, соединены. Другое подтверждение высказанного предположения можно видеть в том, что с северной стороны галерея несколько шире в своей восточной части, нежели в западной; это могло произойти вследствие того, что более широкую галерею пристроили к существовавшей уже ранее в западной части здания более узкой пристройке. Наконец, еще одно подтверждение высказанного предположения можно усмотреть в зарегистрированном Каргером факте, что северная стена южной трехчастной предполагаемой «пристройки» представляла собой глухую стену, что на этом месте не было проемов между столбами. Каргер показывает нижнюю часть этой глухой стены на своей аксонометрии на стр. 76, подробно говорит о ней на стр. 64 и дает ее фотографическое изображение, правда не совсем вразумительное, на стр. 66, рис. 43. Оказывается, что в данном месте стена сохранилась на высоту до 1 м (стр. 64), что исключает возможность первоначального существования проема. Этот находящийся нетронутым на месте кусок стены является главным сохранившимся фрагментом стен Десятинной церкви. Именно с южной стороны, где остатки здания сохранились лучше, особенно наглядно видно, что предполагаемая трехдольная «пристройка» не упиралась в западную стену основного здания, а шла в восточной своей части параллельно западной части южной стены древнейшего здания. То обстоятельство, что дальше к востоку галерея просто примыкает с обеих сторон к древнейшему зданию, как будто тоже подтверждает высказанное выше предположение.

Было бы очень важно услышать мнение Каргера по данному вопросу и узнать, возникало ли подобное предположение в процессе раскопок и делались ли попытки путем наблюдений в процессе археологических раскопок выяснить возможность и вероятность подобного предположения. Если бы оно оказалось правильным, тогда мы могли бы считать, что Десятинная церковь на известном этапе своего существования имела форму трехнефной шестистолпной крестовокупольной постройки с примыкающими к западной ее части двумя симметрическими корпусами дворцового типа, соединенными с хорами церкви и образующими своего рода монументальное преддверие Десятинной церкви, выходящее на общественную площадь, расположенную к западу от храма.

Другим важнейшим вопросом, касающимся древнего облика западной части Десятинной церкви, является вопрос о том, что представляли собой стены над фундаментами, открытыми Каргером между теми двумя трехчастными «пристройками», о которых только что шла речь. Если фундаменты в середине западной части Десятинной церкви соответствуют фундаментам древнейшей части, на которых стояли внутренние столбы здания, то параллельно этим фундаментам идут другие, вовсе не соответствующие никаким фундаментам основного ядра здания и очень близко придвинутые

к только что упомянутым фундаментам западной части здания. Несоответствие этих фундаментов и фундаментов основной части здания как будто указывают на более поздний характер западной пристройки. Однако необходимо поставить вопрос о том, что представляла собой центральная часть западной пристройки, чем могло быть вызвано сближение с каждой стороны двух ленточных фундаментов и связанное с этим несоответствие части этих фундаментов главной части. Мне представляется, что единственным объяснением могло бы быть только предположение, что сдвоенные фундаменты несли лестницы, которые вели на хоры. Общая ширина каждой двух фундаментов составляет 3,5—4 м, что вполне достаточно для лестницы, ширина которой могла быть 1,5 м. Длина обеих лестничных помещений совершенно достаточная. Возникает вопрос, почему лестничных помещений два, а не одно. Возможно, что одна из лестниц шла изнутри собора, подобно тому, как это было открыто А. Д. Варгановым в Суздале, а другая — снаружи, с площади. В фундаментах под этими предполагаемыми лестницами наблюдается существенная особенность: с юга фундаменты расставлены шире во втором с запада делении, а с севера, наоборот, они расставлены шире в первом с запада делении. Не содержится ли в этом указания на то, что южная лестница шла изнутри здания, а северная — снаружи?

Естественно встает и другой существенный вопрос — вопрос о времени построения предположенных «лестниц» в отношении основной части здания и предполагаемых трехчастных «пристроек». Против одновременности прибавления к основной части здания как трехчастных «пристроек», так и «лестниц», т. е. всей западной части, говорит то обстоятельство, что поперечный фундамент западной части Десятичной церкви не соответствует фундаменту трехчастных «пристроек». Но одновременны ли предполагаемые «лестницы» и основная часть здания? Тут решающее слово за археологом. Если «лестницы» и главная часть здания разновременны, в остатках фундаментов непременно должны найтись следы пристройки западной части здания к его основному ядру. Каргер один может в настоящее время дать на этот вопрос исчерпывающий ответ, который мы, к сожалению, не находим в его книге. В процесс раскопок не мог не возникнуть вопрос об одновременности или разновременности постройки главной части Десятичной церкви и «лестниц». В книге необходимо было осветить и этот вопрос. Без такого освещения план Каргера выглядит «слепым» и к старым вопросам добавляет новые неразрешенные вопросы. Действительно, ведь речь идет о правильности тезиса Каргера о том, что Десятичная церковь была первоначально трехнефной шестистолпной постройкой крестовокупольного типа. Однако в этом случае выглядит странно, что западные углы основной части здания не имели лопаток.

Неясно изложен вопрос о том, что, по мнению автора, представляли собой наружные галереи Десятичной церкви. На стр. 74 имеется фраза: «Выше отмечалось, что сохранившиеся наземные части южной и западной стен имеют форму массивных крестчатых столбов. Повидимому, широкие галереи, опоясывавшие церковь с трех сторон, состояли из крестчатых столбов, соединенных арками, напоминая открытую галерею Киевской Софии». Однако «выше» (на стр. 65 сл.) говорится, что «отдельные части фундаментов (южной стены), а именно фундаменты перемычек и фундаменты отрезков южной стены между ними (!), сложены не вперевязь, а впритык. Повидимому, зодчие учитывали различную нагрузку на разные части фундамента... Таким образом впритык сложены фундаменты стен восточной части здания, в западной же эта техническая особенность отсутствует». Отсюда неясно, как же Каргер в конце концов представляет себе южный

и западный фасады Десятинной церкви после пристройки наружных галерей — как сплошные глухие стены или как систему столбов, несущих арки. Создается впечатление, что автор колеблется в вопросах реконструкции галерей, хотя он и утверждает на стр. 74, что добытый им археологический материал «позволяет сделать предположительную реконструкцию наружных галерей, опоясывавших Десятинную церковь».

Очень важен также вопрос о том, что представляют собой «мощные лопатки», сохранившиеся «на первой восточной перемычке северной галереи, на второй и чегвертой (с востока) перемычках южной галереи...», свидетельствующие, повидимому, о том, что широкие галереи имели какие-то конструктивные внутренние членения». Необходимо точнее высказаться по вопросу, каковы могли быть эти предполагаемые конструктивные членения.

Я остановился только на некоторых вопросах, наиболее существенных с точки зрения первоначального вида и исторического развития архитектурного комплекса Десятинной церкви. Раскопки Каргера ставят еще много других важных вопросов, связанных с архитектурой Десятинной церкви. Археолог — историк архитектуры должен поставить себе в процессе раскопок задачу разрешения также и ряда наиболее существенных историко-архитектурных проблем.

В частности, в отношении Десятинной церкви естественно задать себе вопрос, какое место она занимает в истории русской и всеобщей архитектуры. Просто поставить ее в один ряд с трехнефными шестистолпными крестовокупольными зданиями XI и XII вв. нельзя, так как историческое развитие русского зодчества за три века не могло не отразиться также и на данном архитектурном типе. Соображения такого рода тоже должны быть приняты во внимание археологом при производстве раскопок. В отношении Десятинной церкви особенно существенен вопрос о соотношении ее архитектуры с зодчеством Византии и с русской архитектурой последующего времени. Всего этого Каргер не касается. Оставаясь верным принятому им методу «объективного» констатирования фактов, автор только на стр. 45 кратко говорит, что греческие надписи-марки на кирпичках подтверждают сообщение летописи о греческих архитекторах, замечая вместе с тем, что «находки кирпичей с княжеским знаком Владимира свидетельствуют о несомненном участии и русских строителей в этой древнейшей каменной постройке Киева».

Однако откуда Каргер знает, что Десятинная церковь — древнейшая каменная постройка Киева? Что же касается марок кирпичей, то это очень мало говорит об архитектуре Десятинной церкви по существу, так как и греческие строители могли выделывать в Киеве кирпичи с княжеским знаком Владимира, и русские мастера могли в то время пользоваться греческими буквами для своих знаков на кирпичках.

Наиболее существенно выяснить, является ли архитектура Десятинной церкви по своей сути русской или византийской, несмотря на участие в ее создании греческих мастеров. Нет сомнения, что греки в данном случае могли быть только в небольшом числе в качестве руководителей, скорее консультантов-техников во время постройки Десятинной церкви, которая возводилась, конечно, в основном русскими мастерами. Из дальнейшей истории русской архитектуры мы хорошо знаем, что иностранцы нередко возводили русские, по характеру их архитектуры, постройки, вдохновленные русской архитектурной традицией, русской культурой, например Аристотель Фиораванти или Кваренги, в то время как известны случаи, когда русские мастера работали иногда перед Западной Европой, как это бывало в XIX в., и строили в России здания, в которых очень мало рус-

ского. В отношении Десятинной церкви замечательно не только то, что на кирпичях нашелся знак Владимира, а прежде всего то, что это здание очень сильно отличается от современных ей византийских построек и очень близко к русским постройкам последующего периода. Это говорит о том, что для его архитектуры решающее значение имела русская архитектурная традиция, уже существовавшая к концу X в. (вспомним хотя бы тринадцатиглавую деревянную Софию в Новгороде X в.). В связи с этим следовало бы поставить также и вопрос о происхождении и характере строительной техники Десятинной церкви, отличающейся замечательными особенностями, открытыми Каргером. На все эти весьма важные и существенные вопросы мы не находим ответа в книге Каргера, и это является существенным ее недостатком.

Подробно остановившись на Десятинной церкви, чтобы показать недопустимость в такой книге, как работа Каргера, искусственного отделения археологического исследования от общих вопросов реконструкции памятника и его анализа с точки зрения архитектурной композиции и истории архитектуры, добавлю к этому только немногие соображения по поводу других глав книги. Очень интересная работа была проведена Каргером по археологическому исследованию площади, окружающей остатки древнего собора Выдубецкого монастыря в Киеве. В результате Каргер дал свой план собора, соответствующий данным новых раскопок и существенно отличающийся от ранее опубликованных планов этого здания.

Однако план Каргера столь необычен для архитектуры Киевского государства, что невольно возникает сомнение в его правильности. При реконструировании этого плана Каргер руководствуется фактами, добытыми во время археологических раскопок. Но в данном случае раскопки не дают достаточно материала, и предлагаемая реконструкция плана без учета общих историко-архитектурных вопросов выглядит не вполне убедительно. Безусловно правильным является вывод, что купол был расположен над третьим, а не над вторым с запада делением плана здания, как обычно думали раньше. В то же время спорным является предположение автора о первоначальном существовании третьей пары столбов к востоку от подкупольных столбов. Именно эта третья пара столбов придает плану Каргера совершенно необычный характер. Автор приводит для сравнения Спасопреображенский собор в Чернигове. Однако в последнем лишнее восточное деление плана гораздо меньше остальных, оно очень невелико. Аналогичное Спасопреображенскому собору явление можно было бы указать еще в соборе в Суздале, где лишнее деление плана перед апсидами не получило отражения на фасаде в расположении наружных лопаток. Вполне развитое лишнее деление плана с востока, как его Каргер предположил для собора Выдубецкого монастыря, остается в истории русской архитектуры явлением исключительным¹.

Это заставляет пристальнее присмотреться к тем археологическим данным, на которых базируется в данном случае автор. Возникает вопрос: не могли ли находиться апсиды на одно деление плана ближе к куполу, не связано ли с таким расположением апсид положение очень толстого поперечного ленточного фундамента на том месте, где автор реконструирует восточную пару столбов? Не объясняется ли продолжение продольных

---

¹ В качестве доказательства возможности существования в Киеве XI в. храма подобной формы никак нельзя привлечь храм Бориса и Глеба в Вышгороде, так как весьма гипотетическая реконструкция плана последнего (см. М. К. Каргер. К истории киевского зодчества XI в., СА, т. XVI, 1952, стр. 77—99) сама опирается на сходство с планом собора Выдубецкого монастыря, реконструируемым Каргером в рецензируемой книге.

ленточных фундаментов на восток необходимостью укрепления откоса над рекой, и не связаны ли они все же с подпорными стенами, устроенными, как известно, еще в конце XII в. со стороны Днепра? Необходимо учесть возможность того, что апсиды собора Выдубецкого монастыря могли по своей форме отличаться от обычных апсид, т. е. что они могли иметь форму, подобную апсидам, откопанной Каргером церкви, о которой он говорит на стр. 192 сл. Рис. 114 на стр. 155 свидетельствует о том, что «лопатка», соответствующая предполагаемым Каргером восточным столбам, сохранилась очень плохо. Это могло бы быть началом боковой апсиды, прямоугольной снаружи.

В оправдание новой реконструкции плана собора Выдубецкого монастыря можно было бы предположить, что, ввиду положения собора на склоне крутого берега, грозившего обвалом, который впоследствии и произошел на самом деле, в шестистолпном трехнефном крестовокупольном соборе купол перенесли на две западные пары столбов, в противоположность обычному приему его расположения над двумя парами восточных столбов. Аналогию такому расположению мы находим в Свирской церкви в Смоленске, апсиды которой имеют ту же форму, что и вышеупомянутая киевская церковь, откопанная Каргером. Кстати, на рис. 117 у Каргера северная стена южной пристройки к собору проведена в плане дальше на восток, нежели это показано на его же плане, передающем результаты его раскопок (стр. 155, рис. 114).

Еще один существенный вопрос, касающийся первоначальной формы собора Выдубецкого монастыря, остался у Каргера невыясненным, в то время как были все основания его исследовать. Я имею в виду западную часть собора Выдубецкого монастыря. В свете тех данных, которые получил автор в результате раскопок, возникает предположение о более поздней, еще в XI или в начале XII в., пристройке западной части здания вместе с лестницей. На это указывает значительное отличие западной части постройки от остальных ее частей как в плане, так и в отношении сохранившихся архитектурных форм. Вытянутый по линии запад—восток план, нечеткое сочетание в плане западной части с основным зданием, разнообразные по форме углубчатые, даже многоуглубчатые ниши наружных стен западной части — все это так сильно отличает последнюю от основного здания, что невольно возникает вопрос о том, не пристроена ли эта западная часть несколько позднее. Каргер этого вопроса вовсе не ставит. На стр. 150, рис. 111, показана кладка сохранившихся частей Выдубецкого собора. Достаточно было бы нескольких сравнительно небольших зондажей, чтобы выяснить этот вопрос, что несомненно должен был бы сделать автор. Без такого дополнительного исследования рис. 111 выглядит неполноценным. Если бы оказалось, что западная часть здания пристроена позднее, тогда более правдоподобным выглядел бы план, предложенный Каргером на рис. 117. По возможности детальное обследование сохранившихся частей Выдубецкого собора было необходимо для максимально успешного проведения археологических раскопок, предпринятых Каргером.

В отношении интереснейших раскопок двух церквей, о которых говорится на стр. 192 сл., необходимо отметить те же недостатки, что и в других главах книги. Историко-архитектурная оценка полученных планов, а также их архитектурный анализ, проведены очень бегло. В отношении здания XI в. не отмечена его базиликальность, выраженная в том, что все деления плана имеют необычную вытянутость по направлению запад—восток. Не приведены аналогии этому явлению, которые имеются, например, в церкви Благовещения в Витебске. В отношении храма XII в. также

не приведено достаточно аналогий, в частности нет ссылки на Юрьевскую божицу в Остре, на Благовещенскую церковь в Витебске и др.

Как раз в отношении только что упомянутой церкви XII в. автор дает больше всего аналогий, останавливаясь на ее историко-художественном значении более подробно, чем он это делает по отношению к другим исследованным им памятникам. Правильно датируя здание второй половиной XII в. (стр. 206; скорее всего, нужно думать о конце XII в.), Каргер указывает на влияние смоленской архитектуры на архитектуру Киева, действительно как будто отраженное в восстановленном им плане. Однако автор опять как-то бегло касается этого вопроса на стр. 208 и забывает привлечь для сравнения Пятницкую церковь в Чернигове, несмотря на то, что в данном контексте это является совершенно необходимым. Есть на этой странице также и неточности в ссылках, например по вопросу о сходстве Свирской церкви в Смоленске и Параскевы Пятницы в Новгороде удивляет ссылка на работу Каргера («Новгород Великий», 1946), так как это сопоставление было сделано еще в 1925 г. другим автором. Также несколько странно выглядит ссылка на Е. Сичинского по поводу церкви Василия в Овруче (стр. 208).

Обобщающие соображения автора по поводу этой церкви XII в. (стр. 206—209) вызывают также сомнение. Автор берет отдельные детали памятника, как то: пучкообразные пилястры, форма апсид, и, на основании сопоставления этих деталей с аналогичными деталями зданий в других русских землях, высказывает догадку о влиянии в области архитектуры одной из русских земель XII в. на другую. Эта догадка затем подкрепляется самими общими соображениями исторического характера. Однако Каргер отбрасывает при этом существенные вопросы архитектурной композиции и значение композиционных особенностей с точки зрения идейно-художественного содержания архитектурного образа. Нужно было бы прежде всего поставить вопрос о том, каков был первоначальный облик здания, план которого восстановил Каргер, каковы были основные принципы его архитектурной композиции, какую роль в этой композиции играли те особенности, на которых строит свою гипотезу автор, каково содержание архитектурного образа данного здания, какие идеи отражает его архитектурная композиция, каков смысл последней, что она выражает, и почему во второй половине XII в. имели место столь существенные изменения в композиции киевских зданий. Только с этой точки зрения следует подходить и к вопросу о влияниях, так как одна и та же особенность могла иметь в смоленских постройках совершенно другой композиционный смысл, нежели в Киеве, где заимствованную из Смоленска форму могли коренным образом переработать по-своему. Всех этих вопросов автор не ставит вовсе, ограничиваясь простой регистрацией самого факта влияния в области деталей смоленской архитектуры на архитектуру Киева второй половины XII в.

Многолетние, очень ценные и обстоятельные исследования автора в области жилой архитектуры древнего Киева ставят один существенный вопрос. На основании материалов Каргера можно сделать заключение, что Киев — блестящая столица огромного государства, которой заслуженно восхищались иностранцы, — был (и притом в период максимального расцвета Киевского государства) городом, в котором грандиозные монументальные каменные храмы резко контрастировали с примитивной полуземляночной жилой архитектурой. Автор и здесь ссылается на археологические факты. Однако еще очень мало жилищ древнего Киева изучено археологами. Скорее следует предположить, что основная масса жилых домов Киева была значительно крупнее и богаче, чем те жилища, которые

публикует Каргер, и что сравнительная примитивность последних объясняется в значительной мере случайным характером построек, на которые до сих пор натолкнулась лопата археолога.

В заключение краткого разбора книги Каргера, очень ценной и представляющей собой весьма значительный вклад в историю русской архитектуры древнейшего периода, позволю себе высказать мнение, что именно от него можно ждать обобщающего исследования памятников архитектуры эпохи Киевского государства и периода феодальной раздробленности. Это исследование должно быть основано на углубленном изучении архитектуры по существу. Оно не может ограничиваться только сухой констатацией фактов, но призвано дать главным образом научную интерпретацию этих фактов, углубленный марксистский анализ архитектурных произведений в связи с общим процессом развития архитектуры Киева X—XIII вв.

Н. И. Брунов

М. Я. СЮЗЮМОВ. ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ВОКРУГ ЗРЕЛИЩ В ВОСТОЧНО-РИМСКОЙ ИМПЕРИИ IV в.

**Ученые записки Уральского Государственного университета им. А. М. Горького.
Вып. 11, 1952, стр. 84—134.**

В рассматриваемой работе автор ставит перед собой задачи: выяснить, каким образом сложились партии венетов и прасинов, показать борьбу, происходившую вокруг зрелищ, проследить развитие классовой борьбы в византийском городе в IV в. и ее связь с борьбой так называемых цирковых партий, зрелищами и ипподромом. Вопросы эти, исключительно важные для истории ранневизантийского города, до сих пор не нашли еще должного освещения в трудах советских ученых. Поэтому появление исследований, направленных на освещение этих проблем, советские византиноведы могут только приветствовать. К сожалению, настоящая работа М. Я. Сюсюмова, автора ряда весьма ценных исследований по истории византийского города, не лишена ряда недостатков.

Крупнейшим ее недостатком является то, что автор совершенно не использовал произведения И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». В частности, это сказалось в недооценке автором роли и размаха сепаратистских тенденций в провинциях, в недооценке борьбы племен и народностей, входивших в состав империи, против греко-римской господствующей верхушки.

Рассматривая положение различных классов в городе, автор приходит к выводу, что рабы в городе IV в. принимали незначительное участие в классовой борьбе: «Профессионально и в бытовом отношении раздробленные, разобщенные, частично развращенные на положении праздной челяди, рабы больших городов-эмпорий мало оказали пользы революции рабов»¹. Свободные же, подвергавшиеся эксплуатации, по мнению М. Я. Сюсюмова, не вели классовой борьбы; они «хоть и были заинтересованы в падении рабовладельческого строя, но было бы неисторичным полагать, чтобы городские массы могли это осознавать» (стр. 27). Поэтому автор в конце работы приходит к выводу, что «возникающие иногда порывами выступления обездоленных масс города... против городской верхушки

¹ М. Я. Сюсюмов. Политическая борьба вокруг зрелищ в Восточно-Римской империи IV в., стр. 128—129.